В. М. Глушак, О. В. Кисеева

СТЕПЕНЬ РУСИФИКАЦИИ СУРГУТСКОГО ДИАЛЕКТА ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА: ОПЫТ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Для определения степени наличия пуристских и контаминационных дуплетов, а также русицизмов в сургутском диалекте хантыйского языка был проведен социалингвистический эксперимент. Анализ показал, что между принадлежностью испытуемых к определенной социальной группе и определенным механизмам построения языковых образцов в сургутском диалекте хантыйского языка существует значимая связь. Интеллигенция сургутских ханты тяготеет к пуристским тенденциям, используя фонетический, лексический и морфологический потенциал сургутского диалекта, и старается избегать контаминации и чистой русификации для языкового оформления заимствований из русского языка. Учащиеся и студенты активно пользуются принципами русификации, не будучи убежденными сторонниками пуристского подхода, и не придавая особого значения контаминации при передаче заимствований из русского языка. Для передачи заимствований сургутские ханты, проживающие на стойбищах и угодьях, не придают существенного значения пуристскому императиву их языкового оформления. В то же время они осознают чуждость полной русификации заимствованных лексем и используют принцип контаминации при адаптации чужеродных объектов и предметов в сургутском диалекте хантыйского языка.

Ключевые слова: хантыйский язык, сургутский диалект, русицизм, заимствования, пуризм, контаминация

Введение

В связи с возрастанием в начале 90-х гг. XX в. национального самосознания у представителей малых народов повысился интерес и к своим национальным языкам. К этому периоду для большинства языков малых народов России была характерна слабая степень стандартизации и кодификации, доминирующее влияние русского языка в условиях всеобъемлющего двуязычия, а зачастую и массивная русификация. С начала 90-х гг. XX в. на передний план выдвигается мнение о пуризме как основном принципе упорядочивания чужеродной лексики в языках малых народов. Этот принцип должен был ослабить влияние, прежде всего, русского языка на другие языки Российской Федерации. По определению Г. Томаса, *пуризм* представляет собой систему мер по сохранению языка путем избавления его от иноязычных элементов (как правило, это лексические заимствования), которые могут привести к нежелательным последствиям функционирования языков (Thomas, 1991: 12).

Промежуточным этапом между заимствованием слов в чистом виде из других языков и пуристской формой, предполагающей обращение к исконным лексемам, являются *контаминации*. Контаминации в хантыйском языке представляют собой русские слова, обличенные в фонетическую оболочку в соответствии с фонетическими законами и принципами звуко сочетаний соответствующего диалекта. Пуризм и контаминация как основные механизмы стандартизации сургутского диалекта хантыйского языка уже рассматривались в одной из наших статей (Глушак, 2013: 214–222). В настоящей работе наше

внимание концентрируется на определении степени укоренения пуристских и контаминационных форм в сургутском диалекте.

Сургутский диалект является одним из микролитературных языков хантыйского ареала. Однако, за все время книгопечатания на хантыйском языке на сургутском диалекте издано лишь небольшое количество книг и учебников. Вплоть до начала 2000-х гг. при печатании текстов на сургутском диалекте использовалась упрощенная графика с применением слогового принципа по образцу русского языка. Это предполагало использование йотированных букв, в которых теряются фонематические признаки гласных, имеющие во многих случаях смысловоразличительное значение во всех хантыйских диалектах. Кроме того, изданные до начала XXI века книги на сургутском диалекте изобилуют русицизмами, зачастую в неадаптированном к фонетическим требованиям варианте, например, *школа, доктор, больница, учительница, пионерский комната, Красный площадь, самолёт, январь тыдэс, овоцит, 8 март қатл* и др. (Терешкин, 1975); *картофель, подпол, учёный, цветок, дежуритта, Сургут, Угут, картошка, ноябрь, печенье, лётчик* и др. (Песикова и др., 1996).

С начала 2000-х гг. заметны усилия пуристов как в плане продвижения орфографии на основе не слогового, а фонематического письма, так и в стремлении заменить полные русские заимствования хантыйскими кальками или описательным переводом. Пуристские и контаминационные дуплеты для использовавшихся ранее русицизмов обширно проникают в учебную и справочную литературу по сургутскому диалекту, автором или редактором которых выступает, как правило, А.С. Песикова, например, *нуҳал қөр* ‘улица’, *вәнч сәди вәх* ‘зеркало’, *турпа* ‘труба’, *курушка* ‘кружка’, *кәнтпет* ‘конфета’, *лант* ‘крупа’, *сопеккән* ‘сапоги’, *қотәқсәтә қө*

‘строитель’, *лекәр* ‘врач’, *әнәтәтә қө* ‘учитель’ и др. (Песикова, 2005); *войәх әнәттәтә қот* ‘звероферма’, *қоньтә қот* ‘больница’, *юх мацтәр қө* ‘плотник’, *түдәх йәчә тыдэс* ‘январь’, *сәри күрәк тыдэс* ‘март’, *картонка* ‘картофель’, *пәряник* ‘пряник’, *неврем әнәтәтә имихә институт* ‘педагогический институт’, *әнәтәхәдтә йүкан вәх* ‘стипендия’ и др. (Покачева, Песикова, 2006).

В свете вышеизложенного можно выдвинуть гипотезу, что усилия местных специалистов по сургутскому диалекту хантыйского языка привели к тому, что этот диалект начинает освобождаться от необоснованных и неадаптированных заимствований. Для определения степени русификации и сургутского диалекта на современном этапе был подготовлен и проведен социолингвистический эксперимент, в котором приняли участие представители различных социальных групп сургутских ханты.

1. Методика проведения исследования

Для проведения эксперимента мы разработали анкету, в которую включили задания на выявление механизмов лингвистической адаптации в сургутском диалекте заимствований из русского языка. Эксперимент проводился с января по август 2014 г., в нем приняли участие 55 человек. 41 анкета была заполнена испытуемыми самостоятельно, ответы других 14 испытуемых были записаны нами или нашими доверенными лицами из числа лиц хантыйской интеллигенции под диктовку. Все испытуемые являются либо билингвами, либо владеют сургутским диалектом как родным и русским языком на уровне С2.

Предполагалось, что анализ полученных результатов позволит определить основные способы оформления реалий, не свойственных культуре и образу жизни сургутских ханты и связать их употребление с принадлежностью носителей языка к определенным социальным

группам. К анкетированию привлекались жители из разных регионов ареала сургутского диалекта, условно разделенные нами на три социальные группы: 1) интеллигенция, 2) учащиеся и студенты, 3) прочие (охотники, рыболовы, оленеводы, пенсионеры, домохозяйки).

В лингвистическом плане результаты эксперимента должны были дать ответ на вопрос, насколько глубоко приемы адаптации заимствованных слов – пуризм, контаминация и чистое заимствование, или русификация – укоренились в языковом сознании современных сургутских ханты.

Для статистической обработки результатов была выбрана группа методов с использованием критерия хи-квадрат (χ^2), которые позволяют определить зависимость социальных параметров испытуемых от полученных лингвистических данных. Кроме того, с их помощью можно выявить значимость и силу зависимости факторных и результативных признаков.

2. Лингвистические основания составления анкеты

Анкета включает три задания. В первом задании содержатся реалии, представляющие собой дуплеты в виде чистого заимствования из русского языка и слова, оформленные в сургутском диалекте как контаминации или описательные сочетания с использованием исконных слов сургутского диалекта хантыйского языка. Задание было сформулировано и оформлено следующим образом:

Таблица 1

Фрагмент оформления задания 1 социолингвистического эксперимента

1. Подчеркните слова, которые Вы используете в своей речи на хантыйском языке, или напишите свой вариант			
1.	учитель	ёна́дтэ́тэ кё	_____
2.	врач	лека́р	_____
3.	...	...	_____

Для составления задания 1 мы использовали лексемы, которые обозначают реалии, вошедшие в жизнь сургутских ханты еще до середины XX в. и зафиксированы в словаре Н. И. Терешкина (Терешкин, 1981). Следует отметить, что в своем словаре Н. И. Терешкин придерживается преимущественно пуристских или контаминационных принципов.

В задании 1 было предложено 40 дублетов, которые представляют собой реалии, относящиеся к тематическим сферам профессий, одежды, транспорта, орудий труда, предметов быта, календарных месяцев, имен собственных, праздников. Помимо приведенных выше в таблице дублетов в задании 1 содержались следующие пары слов: рус. швея – *йонтэ́ксэ́тэ нэ*, рус. продавец – *на́ркаши́ник*, рус. строитель – *кота́ксэ́тэ кё*, рус. чулки – *чу́дьки*, рус. брюки – *во́рэп*, рус. шапка – *мил*, рус. пальто – *пальта*, рус. кофта – *нумчо́п*, рус. сапог – *со́пек*, рус. самолет – *та́хдэ́ң ки́рип*, рус. машина – *масы́на*, рус. пароход – *ту́хтэ́ң хо́п*, рус. топор – *да́йам*, рус. сверло – *пе́р*, рус. пила – *ва́х пи́ла*, рус. ножницы – *опэ́т а́ватта́ ва́х*, рус. зеркало – *ва́нч са́ди ва́х*, рус. январь – *ту́дэ́х йа́чэ ты́дэс*, рус. март – *са́рэ ку́рэк ты́дэс*, рус. июнь – *ку́д ко́йтэ ты́дэс*, рус. август – *пи́тад во́йах ты́дэс*, рус. сентябрь – *са́х ты́дэс*, рус. Новый год – *Йа́дэп о́д йи́мэң қа́тад*, рус. 8-е марта – *И́мит йи́мэң қа́тад*, рус. церковь – *Те́рам*

қот, рус. Пасха – *Вул емац қәтәл*, рус. ситец – *ситеница тас*, рус. князь – *кәнясь*, рус. Москва – *Масков воц*, рус. Ленинград – *Ленин ики воц*, рус. Сургут – *Суркунтл воц*, рус. Угут – *Ухәт нухәл*, рус. Фёдор – *Петор*, рус. Николай – *Миқола*, рус. Александр – *Санты*, рус. Афанасий – *Апанас*, рус. Евдокия – *Авды*, рус. Настя – *Наття*.

Во втором задании содержатся 34 слова, которые не имеют однозначного языкового оформления в сургутском диалекте хантыйского языка. Задание сформулировано следующим образом:

Таблица 2

Фрагмент оформления задания 2 социолингвистического эксперимента

2. Напишите по-хантыйски соответствия следующим словам:		
1.	труба	_____
2.	крынка	_____
3.	...	_____

Составляя задания 2, мы ставили цель – определить, какие языковые механизмы используют испытуемые при переводе предложенных слов на сургутский диалект хантыйского языка, используют ли они исключительно контаминированный и русифицированный варианты или же прибегают также к пуристическим приемам с помощью калькирования или описательного перевода с употреблением исконно хантыйских слов. В задание 2 включены следующие слова: труба, крынка, грех, школа, амбар, аршин, сапог, дьякон, ямщик, яблоко, ясли, якорь, яичница, ковер, калибр, компас, конверт, кирпич, каблук, корабль, керосин, картофель, картуз, гостинец, кадка, катер, калач, галоша, горчица, крупа, кружка, казна, балалайка, задаток.

Кроме того, от испытуемых ожидалось, что при выборе контаминированного способа передачи чужеродных реалий на сургутский диалект хантыйского языка они будут обращать внимание на недопустимую сочетаемость определенных согласных и необходимость в некоторых позициях добавлять соединительные гласные или производить перестановку звуков в слове.

Задание 3 состоит из 15 словосочетаний. В их составе имеются реалии, с которыми сургутские ханты познакомились через русский язык в последние 50–70 лет. Треть из них – имена собственные. Задание представлено в следующем виде:

Таблица 3

Фрагмент оформления задания 3 социолингвистического эксперимента

3. Напишите по-хантыйски перевод следующих словосочетаний:		
1.	два торта	_____
...		_____
6.	мои «Жигули»	_____
7.	...	_____

Результаты выполнения задания 3 должны продемонстрировать наличие у испытуемых морфологических и морфонологических знаний. При переводе данных словосочетаний необходимо адаптировать чужеродные реалии к грамматическим требованиям сургутского диалекта хантыйского языка. Важно при этом избежать морфологической интерференции с русской грамматикой и использовать специфические способы морфологического оформления сочетаний, а также ассимиляции звуков на стыке морфем при формообразовании. Это касается двойственного числа (два торта, два порта, двое Петровых, чех – два чеха), множественного числа (три «Опеля»), притяжательной конструкции с местоимением «мой» (мой бункер, мои «Жигули», мой трамвай, моя «Шкода»), образования прилагательных (банковский, франкский, пластик – пластиковый), образования форм направительного (сесть в такси, выйти из «Лады») и исходного падежей (выйти из «Тойоты»).

3. Лингвистический анализ результатов эксперимента

В первом задании из предложенных дуплетов испытуемые выбрали преимущественно контаминированный вариант или вариант адаптации с использованием исконных слов сургутского диалекта хантыйского языка. Исключение составили имена собственные, представляющие собой названия городов, а также мужские и женские имена русского происхождения. В качестве используемых заимствований из русского языка сургутские ханты, принявшие участие в нашем эксперименте, приводили различные варианты – чистые заимствования, контаминированные варианты и русские имена, адаптированные в сургутский диалект до начала активной русификации в середине XX века¹:

рус. Москва – *Москва, Россия маҳ қон воҷ, Мёсква воҷ, Масков воҷ, Маскова воҷ*; рус. Сургут – *Сургут, Сургут воҷ, Суркут воҷ, Суркунтл воҷ, Соркӯт воҷ, Сёркут воҷ*; рус. Ленинград – *Ленинград, Ленинград, Ленинград воҷ, Ленин ики воҷ, Ленин воҷ*; рус. Угут – *Угут, Уҳәт нуҳәд, Уут нуут, Йавән воҷ, Йаҳән воҷ*; рус. Фёдор – *Фёдор, Пётәр, Петәр, Петор, Педор, Шотәр, Шодәр*; рус. Николай – *Николай, Миқола, Микулка, Микита, Микуль*; рус. Александр – *Александр, Санты, Шонты, Шаика, Алксәндр*; рус. Афанасий – *Афанасий, Апанас, Апанас, Апэнаси*; рус. Евдокия – *Евдокия, Ёвтотъя, Авдотъя, Авды, Автоты*; рус. Настя – *Настя, Наста, Настасья, Наття, Нйши*.

В разделе, в который включены названия праздников и их атрибуты, содержатся слова, представляющие собой кальки или описательные переводы с русского языка на сургутский диалект. Исключение составляет только слово «Пасха»:

рус. Новый год – *Йәдәп ол йимәң қәтәд*; рус. 8-е марта – *Ныңәт имәң қәтәд, Имит йимәң қәтәд*; рус. Пасха – *Пасха, Паска, Вул йимәң қәтәд, Руть йимәң қәтәд*; рус. церковь – *Тёрам қот*.

Многие испытуемые привели вариант обозначения месяцев в зависимости от местности их проживания. При этом не зафиксировано ни одного названия, заимствованного из русского языка в чистом виде.

Для обозначения профессий и социальной принадлежности испытуемыми были даны либо контаминированные варианты, либо описательные переводы в пуристских традициях. Лишь для слова «князь» в двух ответах было выбрано исконное хантыйское слово,

¹ Здесь и далее приводятся слова в орфографии испытуемых.

представляющее собой расширение семантики слова «*орт*», для которого в словаре Н. И. Терешкина приводятся следующие значения: 1) герой эпических мифов, 2) глава, предводитель, вождь, 3) хозяин, 4) король (в картах) (Терешкин, 1981). Ниже приводятся варианты ответов на слова из тематической сферы профессий и отнесенности к социальным слоям:

рус. князь – *кэнясь, урт, орт*; рус. учитель – *өнэдтэтэ қө, неврем өнэдтэтэ қө/нэ (ими, ики)*; рус. швея – *йонтэксэтэ нэ/нэ*; рус. врач – *лекэр*; рус. продавец – *пэркашник*; рус. строитель – *қотэқсэтэ қө, қот ымэдтэ қө, қот вэртэ қө*.

Схожая картина наблюдается и тематических областях «Одежда», «Инструменты» и «Транспорт». Принявшие участие в социалингвистическом эксперименте сургутские ханты предпочитают передавать чужеродные реалии на родной язык с помощью контаминации, описательного или калькированного перевода. Приведем в качестве примеров лишь те слова из задания 1, для которых были даны дополнительные дуплеты:

рус. пальто – *сăқ, руть сăқ*; рус. ситец – *сительэ өдпинтақ*; рус. самолет – *дэхэдтэ кирип*; рус. пароход – *түвтэң кирип, йәңки мәнэтэ кирип*; рус. ножницы – *өнэттэтэ вăх, өнэт дөрттэ вăх*; рус. зеркало – *вăнч соты вăх, ваньам соты кав, вăнч дэйэдтэ вăх*.

Если в задании 1, в котором испытуемые, руководствуясь чувством языка, могли из предложенных дуплетов исключить чистое русское заимствование, даже если они его и не употребляют в речи, то в задании 2 они должны были сами предложить вариант адаптации чужеродной реалии в сургутском диалекте хантыйского языка, применив при этом правила звуко сочетаний, о которых мы уже писали ранее (Глушак, 2013: 219). Приведем все полученные варианты ответов для предложенных слов: рус. труба – *трупа, турпа*; рус. крынка – *крынка, кэрынька*; рус. грех – *крек, кэрэк*; рус. школа – *школа, скола, эшкола, ай мокэт өнэдтэтэ қот*; рус. амбар – *кум, кўм*; рус. аршин – *аршин, кўнчңи*; рус. сапог – *сөпэк, шөпэк, сопеккэн*; рус. дьякон – *дьяк, як*; рус. ямщик – *ямщик, ямишк, дав авдөң қө, дав нюркатэдтэ қө*; рус. яблоко – *яблоко, йаплэк*; рус. ясли – *ясли, мөқ сăмэдтэтэ қот, ай неврем тойты қот, ай мокэт йонтэх қот*; рус. якорь – *якэрь, якр, рыт/кирип сарвах*; рус. яичница – *яичница, чучкурэк моқ, тăртэм тьўтькўрэк мөқ*; рус. ковер – *ковер, йăки, нуйтахты, қотпăдэ дөпэс*; рус. калибр – *калибр, калипр, ньод дөвит*; рус. компас – *компас, йăқ пăлэк аръадэтэ кавккэң лăлын*; рус. конверт – *конверт, письма қотэң нипэк, ныпэк қот, нипэк киттэ өт*; рус. кирпич – *кирич, кирпэш, кирпэч*; рус. каблук – *каблук, каплук, савынч чак, шопэк төй*; рус. корабль – *кирип*; рус. керосин – *керосин, карасин, карасин йиңк, найкатэдтэ йәңк*; рус. картофель – *картонка*; рус. картуз – *картуз, луң мил, руть мил*; рус. гостинец – *гостинец, кастинца, мойлэпсэ, мойлыпсы*; рус. кадка – *катка, кать, парт куцэм*; рус. катер – *катер, катьэр, кирип*; рус. калач – *калач, калась, дөвтып, инэд доҳип*; рус. галоша – *галоша, калоша, резинка нироҳ, ресина ньыр ов*; рус. горчица – *горчица, кăрчитса, корчица, талың*; рус. крупа – *крупа, курпа, дант*; рус. кружка – *курушка, куҳер анэх, шай анэх*; рус. казна – *казна, кăсна, қон вах*; рус. балалайка – *балалайка, палалайка, руть наркасьюх, домра, томра, нарэксэтэ юх*; рус. задаток – *задаток, сататка, сарпăнтэ вăх, сармыйэм, палык вăх, сартынтэм вах сăм*.

Анализ ответов из задания 3 показал, что испытуемые используют, как правило, морфологические и морфонологические механизмы сургутского диалекта хантыйского языка при передаче на него заимствований из русского языка. Для оформления двойственного числа существительных, представляющие собой более ранние заимствования у сургутских ханты, все испытуемые применили суффикс *-хэн*, в то время как для перевода существительных одни

испытываемые использовали пуристские механизмы, другие – использовали русское заимствование:

рус. два торта – *кат тортхэн, кат пирэ́ккэн, а́плэң ньаньхэн, кат сахрэң пирэ́ккэн*; рус. два порта – *кат портхэн, кат келдэ́тхэн, как келдэ́тхэн*.

В менее употребительном в быту слове «чех» среди ответов сургутских ханты были обнаружены варианты как с морфонологическими изменениями, так и без них. Подобное наблюдаем и в переводе словосочетания «три «Опеля»»:

рус. два че́ха – *кат чеххэн, кат чехкэн, кат чеккэн, кат чехикихэн*; рус. три «Опе́ля» – *көдэм «Опелет», көдэм «Опелит»*.

При передаче русского сочетания «двое Петровых» в ответах испытуемых наряду в двойственном числе «*кат Петровхэн*» и аналитической конструкции с существительным *кө* в двойственном числе «*кат Петроп-куйхэн*» представлены также и грамматические контаминации «*кат Петровыххэн*» с использованием русской флексии *-и* для обозначения множественного числа.

В своих переводах испытуемые использовали имена собственные в русском варианте без какой-либо фонетической адаптации в сургутском диалекте. При этом, все участники эксперимента правильно применили необходимые аффиксы. Сказанное относится также и к оформлению словосочетаний в падежных формах и существительных с притяжательным местоимением 1-го лица единственного числа:

рус. мой бункер – *ма бункерэм, ма кэ́ви вэ́рэм во́ңкэм*; рус. мой трамвай – *ма трамваем*; рус. мои «Жигули» – *ма «Жигулем», ма «Жигули»-машинахэм*; рус. моя «Шкода» – *ма «Шкодахэм», ма «Шкода»-машинахэм*; рус. сесть в такси – *таксича ымэдта, таксия ымэдта, таксия дэ́дта*; рус. выйти из «Лады» – «*Ладахи*» *выхэдта, «Ладаяхи» выхэдта, «Лада» машинахи кем выхэдта*; рус. выйти из «Тойоты» – «*Тойотахи*» *выхэдта, «Тойотахэ» выхэдта, «Тойота» машинахи кем выхэдта*.

Наибольшие сложности у испытуемых вызвал перевод заимствованных прилагательных на сургутский диалект. Большинство участников эксперимента использовали русифицированные варианты. Тем не менее, в ответах присутствуют формы, адаптированные с учетом морфологического и морфонологического оформления признаков значений существительных, т.е. с помощью формообразовательного суффикса прилагательного *-хэң* или конструкции *существительное со значением качества + главенствующее существительное*:

рус. банковский – *банковский, банк + суц., банкехэң, банккэң*; рус. франкский – *франкский, франкэң, франккэң, франк + суц.*; рус. пластиковый – *пластиковый, пластик + суц., пластикэң, пластиккэң, пластикхэң*.

Все полученные ответы были разнесены по социальным группам и способам их языкового оформления: языковые образцы с пуристскими механизмами их построения, языковые образцы с контаминационными механизмами их построения и русифицированные языковые образцы. Результаты были оформлены в виде таблицы сопряженности наблюдаемых значений:

На следующем этапе нашего исследования полученные данные были подвергнуты статистической обработке, чтобы установить зависимость социальных факторов испытуемых от полученных лингвистических результатов, а также выявить значимость и силу зависимости факторных и результативных признаков.

Таблица 4

Наблюдаемые значения социолингвистического эксперимента по социальным группам и группам их языкового оформления

	пуризм	контаминация	русификация	сумма ответов
интеллигенция	936	143	78	1157(13 чел.)
учащиеся и студенты	280	520	980	1780 (20 чел.)
прочие	858	682	418	1958 (22 чел.)
сумма ответов	2074	1345	1476	4895 (55 чел.)

4. Статистическая интерпретация результатов эксперимента

Согласно условиям использования метода с использованием критерия хи-квадрат (χ^2) количество опрашиваемых должно превышать 20 человек, а количество ответов по каждому модулю должно быть не менее 5. Данные условия полностью соблюдены в нашем эксперименте. Из 55 человек, принявших участие в социолингвистическом эксперименте, 13 человек мы отнесли к интеллигенции. Это – учителя сургутского диалекта хантыйского языка в национальных школах, ученые, журналисты, писатели, музейные работники. Другую группу в количестве 22 человек составляют ученики 7–9 классов и студенты в возрасте от 17 до 22 лет. В последнюю группу «прочие» в количестве 20 человек вошли жители стойбищ в возрасте от 20 до 62 лет.

Для проведения дальнейшей процедуры по соответствующим формулам были определены ожидаемые и наблюдаемые значения χ^2 . Ожидаемые величины показывают, каким должен бы быть результат в определенной ячейке, если бы он не зависел от факторов, образующих каждый отдельный модуль. В результате подсчетов получены следующие результаты:

Таблица 5

Теоретические (ожидаемые) значения социолингвистического эксперимента по социальным группам и группам их языкового оформления

	пуризм	контаминация	русификация
интеллигенция	490.218	317.909	348.873
учащиеся и студенты	754.182	489.091	536.727
прочие	829.6	538	590.4

С помощью выявленных наблюдаемых и ожидаемых величин было определено значение χ^2 , которое свидетельствует о наличии или отсутствии связи между принадлежностью испытуемых к определенной социальной группе и определенных механизмов построения языковых образцов в сургутском диалекте хантыйского языка. В нашем случае значение критерия χ^2 составляет 1467,954. Согласно таблице интерпретации значений χ^2 , критическое значение для полученного χ^2 составляет 13,277. При этом, уровень значимости (p) меньше 0,01, т.е. вероятность ошибки сделанного вывода составляет всего 0,1%. Так как полученное значение χ^2 больше критического значения, то мы с уверенностью можем утверждать, что между факторным и результативным признаками, т.е. между принадлежностью испытуемых к

определенной социальной группе и определенных механизмов построения языковых образцов в сургутском диалекте хантыйского языка существует значимая связь.

Для оценки силы связи факторных и результативных признаков вычислим коэффициент сопряженности Пирсона (P) по формуле:

$$P = \sqrt{\frac{\chi^2}{\chi^2 + n}}$$

Полученный результат равен 0,48 на шкале от 0 до 1. Согласно таблице интерпретации коэффициента сопряженности Пирсона (см. например: Albert, Marx, 2010: 129), число 0,48 свидетельствует о сильной связи между факторными и результативными признаками. Таким образом, делаем вывод, что связь между принадлежностью испытуемых к определенной социальной группе и определенных механизмов построения языковых образцов в сургутском диалекте хантыйского языка нельзя игнорировать.

Анализ значения χ^2 свидетельствует лишь о наличии или отсутствии значимой связи между факторными и результативными признаками в целом и не дает ответа на вопрос о том, есть ли статистическая связь между определенной строкой и определенным столбцом таблицы сопряженности наблюдаемых значений. Чтобы выяснить это, обратимся к методике вычисления стандартизированных остатков (SR), вычислив их для каждой ячейки по формуле:

$$SR = \frac{(\text{наблюдаемое значение} - \text{ожидаемое значение})}{\sqrt{\text{ожидаемое значение}}}$$

После расчета стандартизированных остатков заполняем таблицу сопряженности, в которой значения в ячейке более +1,64 свидетельствуют о наличии связи между испытуемыми определенной социальной группы и конкретным механизмом построения языковых образцов в сургутском диалекте хантыйского языка. Значения менее –1,64 интерпретируются как то, что носители языка из определенной социальной группы не склонны использовать данный механизм языкового оформления. Результаты вычислений представлены в следующей таблице:

Таблица 6

Стандартизированные остатки наблюдаемых и ожидаемых величин социолингвистического эксперимента

	пуризм	контаминация	русификация
интеллигенция	+20,13	–9,81	–14,5
учащиеся и студенты	–17,27	+1,4	+19,13
прочие	+0,99	+6,21	–7,1

Полученные значения стандартизированных остатков дают основания утверждать, что интеллигенция сургутских ханты (SR=+20,13) тяготеет к пуристским тенденциям, используя фонетический, лексический и морфологический потенциал сургутского диалекта хантыйского языка и старается избегать контаминации (SR = –9,81) и чистой русификации (SR= –14,15) для языкового оформления понятий, заимствованных из русского языка. Учащиеся и студенты из числа сургутских ханты активно пользуются принципами русификации (SR=+19,13), не будучи убежденными сторонниками пуристского подхода (SR= –17,27), и не придавая особого значения контаминации (SR=+1,4) при передаче заимствований из русского языка.

Для выражения заимствований прочие социальные группы сургутских ханты не придают существенного значения пуристскому императиву их языкового оформления ($SR=+0,99$). В то же время они осознают чуждость полной русификации заимствованных лексем ($SR=-7,1$) и используют принцип контаминации ($SR=+6,21$) при адаптации чужеродных объектов и предметов в сургутском диалекте хантыйского языка.

Выводы

Таким образом, при публикации современной художественной и учебной литературы на сургутском диалекте хантыйского языка на современном этапе издатели и редакторы отказываются от чистых русицизмов в пользу пуристских или контаминированных форм. Это должно способствовать сохранению лексического и словообразовательного своеобразия сургутского диалекта. Кроме того, контаминирование, как один из способов адаптации чужеродных реалий, призван укрепить в языковом сознании сургутских ханты фонетические механизмы своего родного языка.

Цель предпринятого нами исследования состояла в том, чтобы определить степень русификации различных социально-возрастных слоев сургутских ханты. Не подтвердилась гипотеза о том, что среди молодых людей в возрасте до 22 лет, которые пользовались литературой, издаваемой с учетом пуристско-контаминационных тенденций, русификация играет незначительную роль при адаптации в сургутском диалекте заимствованных реалий из русского языка. Это объясняется, очевидно, тем, что учащиеся и студенты из числа сургутских ханты тесно интегрированы в современное русскоязычное общество. Они подвержены массивному влиянию русского языка, массивно пользуются русскими средствами массовой информации, что перевешивает предпринимаемые усилия лингвистов и хантыйских авторов по продвижению пуристских механизмов стандартизации сургутского диалекта хантыйского языка.

В то же время, взрослые люди, проживающие на стойбищах и угодьях, имеют менее интенсивные контакты с русским населением, меньше потребляют информации из русских источников и ведут коммуникацию друг с другом преимущественно на своем диалекте. Находясь в условиях коммуникативного доминирования родного языка, сургутские ханты все чаще обращаются к словообразовательным и фонетическим механизмам адаптации русских заимствований.

Список литературы:

- Глушак В. Контаминация и пуризм как две противодействующие тенденции в развитии сургутского диалекта хантыйского языка // *Linguistica Uralica*. – 2013. – № 3. – С. 214–222.
- Песикова А. С. Картинный словарь хантыйского языка (сургутский диалект): Учебное пособие для учащихся 1–4 классов общеобразовательного учреждения. – СПб: Просвещение, 2005. – 128 с.
- Песикова А. С., Ермакова Р. И., Смирнова Ф. И. Хантыйский язык: Учебник и книга для чтения для 2 класса (сургутский диалект). – СПб: Просвещение, 1996. – 158 с.
- Покачева Е. Р., Песикова А. С. Русско-хантыйский разговорник (сургутский диалект). – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2006. – 123 с.
- Терешкин Н. И. Букварь. Для подготовительного класса (на языке сургутских ханты). – Ленинград: Просвещение, 1975. – 157 с.
- Терешкин Н. И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. – Ленинград: Наука, 1981. – 544 с.

Albert R., Marx N. Empirische Arbeiten in Linguistik und Sprachlehrforschung. Anleitung zu quantitativen Studien von der Planungsphase zum Forschungsbericht. – Tübingen: Narr, 2010. – 88 s. **Thomas G.** Linguistic Purism. – London, New York: Longman, 1991. – 250 p.

Глушак Василий Михайлович, доктор филологических наук, профессор.

ФГАОУ ВПО «Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России».

Пр. Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454.

Email: glushakvm@mail.ru

Кисеева Ольга Викторовна, старший преподаватель. **БУ ВО ХМАО-**

Югры «Сургутский государственный университет». Ул. Ленина, 54/1,

г. Ханты-Мансийск, Тюменская область, Россия, 628012.

E-mail: spolkolu@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 15 сентября 2018 г.

V. M. Glushak, O. V. Kiseeva

**DEGREE OF RUSSIFICATION OF SURGUT KHANTY:
THE RESULTS OF A SOCIOLINGUISTIC EXPERIMENT**

A sociolinguistic experiment was conducted to determine the extent of the presence of purist and contaminated doublets, as well as Russicisms in the Surgut dialect of the Khanty language. The analysis showed that there is a significant connection between the belonging of the subjects to a particular social group and certain mechanisms for constructing language samples in the Surgut dialect of the Khanty language. The intelligentsia of the Surgut Khanty gravitates towards purist tendencies, using the phonetic, lexical and morphological potential of the Surgut dialect, and tries to avoid contamination and pure Russification for linguistic processing of borrowings from the Russian language. Pupils and students actively use the principles of Russification, not being convinced supporters of the purist approach and not attaching much importance to contamination in the transfer of borrowings from the Russian language. To transfer borrowings Surgut Khanty, living in camps and lands, do not attach much importance to the puristic imperative of their linguistic form. At the same time they realize the alienation of the complete Russification of borrowed tokens and use the principle of contamination when adapting borrowed words in the Surgut dialect of the Khanty language.

Key words: *Khanty language, Surgut dialect, Russicism, loanwords, purism, contamination*

References:

Glushak V. Kontaminatsiya i purizm kak dve protivodeystvuyushchie tendentsii v razvitii surgutskogo dialekta hantiyskogo yazyika [Contamination and purism as two opposing tendencies in the development of Surgut dialect of Khanty language] // *Linguistica Uralica*. – 2013. – № 3. – P. 214–222. (in Russian)

Pesikova A. S. Kartinnyy slovar hantiyskogo yazyika (surgutskiy dialekt): Uchebnoe posobie dlya uchashchihsya 1–4 klassov obsheobrazovatel'nogo uchrezhdeniya [Picture Dictionary of the Khanty Language (Surgut dialect): A manual for students of grades 1–4 of a general educational institution]. – St. Petersburg: Prosveshchenie, 2005. – 128 p. (in Russian)

Pesikova A. S., Ermakova R. I., Smirnova F. I. Hantiyskiy yazyik: Uchebnik i kniga dlya chteniya dlya 2 klassa (surgutskiy dialekt) [Khanty language: Textbook and a book for reading for the 2nd grade (Surgut dialect)]. – St. Petersburg: Prosveshchenie, 1996. – 158 p. (in Russian)

Pokacheva E. R., Pesikova A. S. Russko-hantiyskiy razgovornik (surgutskiy dialekt) [Russian-Khanty phrase book (Surgut dialect)]. – Khanty-Mansiysk: Polygraphist, 2006. – 123 p. (in Russian)

Tereshkin N. I. Bukvar. Dlya podgotovitel'nogo klassa (na yazyike surgutskikh hanti) [ABC book. For the preparatory class (in the language of the Surgut Khanty)]. – Leningrad: Prosveshchenie, 1975. – 157 p. (in Russian)

Tereshkin N. I. Slovar vostochno-hantiyskikh dialektov [Dictionary of Eastern Khanty dialects]. – Leningrad: Nauka, 1981. – 544 p. (in Russian)

Albert R., Marx N. Empirische Arbeiten in Linguistik und Sprachlehrforschung. Anleitung zu quantitativen Studien von der Planungsphase zum Forschungsbericht. – Tübingen: Narr, 2010. – 88 S. **Thomas G.** Linguistic Purism. – London, New York: Longman, 1991. – 250 p.

Glushak V. M., Doctor of Philology, Professor of the German Language Department.

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Pr. Vernadskogo 76, Moscow, Russia, 119454.

Email: glushakvm@mail.ru

Kiseeva O. V., Senior lecturer of the Department of Linguistics and Translation Studies.

Surgut State University.

Ul. Lenina, 54/1, Khanty-Mansiysk, Tyumen Region, Russia, 628012.

E-mail: spolkolu@rambler.ru